

Переводчик: Антония

В этот момент он больше ненавидел мать и сына. Но за холодный яд он брал ее в свои объятия и любил ее так сильно, как мог, вместо того, чтобы положить ее в ледяную воду.

С очень минуты на минуту, Мо Цяньсюй дрожал, и его сердце болело, как будто его разрезали на дюйм за дюймом.

Время пролетело тихо. Нин Шаоцин, наконец, почувствовал, что руки Мо Цяньсюэ не так горячи, как раньше, и вытащил ее из ведра.

Мо Цяньсюэ надела только один слой одежды, и, промокнув так долго в воде, одежда была плотно прикреплена к телу и показала ее изгибы обнаженной.

Встретившись с глазами Нин Шаоцина, Мо Цяньсюэ немного стеснялась: "Ты повернись".

Нин Шаоцин покраснела и тоже была застенчивой и смущенной.

Обычно он смеялся над ней: "Мы давно стали мужем и женой". Чего стесняться?" перед тем, как он повернулся. Но сегодня он сразу повернулся.

Он чувствовал себя слишком неумелым как муж, чтобы смеяться над ней.

Они никогда не целовались и не менялись друг перед другом при ярком дневном свете. Поэтому он прикасался или целовался, но никогда не видел ее обнаженной.

Когда Мо Цяньсю встал из воды, он тонко проглотил. Однако сегодня он оказался некомпетентным мужем, который ценит её тело.

Как только Су Ци вышла из комнаты, Асан и Аву быстро прибыли.

Поэтому одежда, которую Мо Цяньсюэ носил сейчас, была не тем костюмом, который купил Алу, как заказывала Су Ци, а тем, который привезла сюда Аву по приказу Нин Шаоцина.

После того, как Мо Цяньсюэ оделся, Нин Шаоцин повернулся назад и завернул на нее свой большой меховой плащ.

Этот меховой плащ был тем, который Мо Цяньсюэ попросил Низи сделать для него на случай, если его яд может быть вызван холодной зимой.

Внешний слой был из серого мышинного меха, который не был дорогим, но особенно теплым.

Завернув ее в плащ, Нин Шаоцин не хотел оставаться еще одну секунду, и держал ее, чтобы выйти.

Мо Цяньсюэ прибыла сюда во второй половине дня, так что теперь, после всех мучений, небо уже было темным.

Пройдя во двор и увидев Су Ци, стоящего под вечнозелёным старым деревом в тонкой одежде, Нин Шаоцин чуть не врезался в потолок снова, потому что даже в темноте отпечаток зубов на его шее всё ещё был так заметен.

Спасибо" на кончике его языка проглотило спину. С храпом он держал Мо Цяньсюэ и быстро вышел из Байюнчжу.

В карете Мо Цяньсюэ снова начал чихать.

В спешке Нин Шаоцин обернул для нее плащ покрепче и крепко обнял ее на руках. Когда его рука прижалась к ее спине, она почувствовала, как поток тепла проносится сквозь ее тело.

Мгновенно, она могла чувствовать холод в ее теле уменьшается понемногу. В течение одной четверти, она была гораздо теплее.

Лоб Нин Шаоцин считался с потом. Только после того, как Мо Цяньсюэ перестал дрожать, и ее лицо перестало быть холодным, он взял обратно свою руку и перестал передавать ей настоящий ци. Затем он снова взял ее на руки.

Когда ее тело прогрелось, Мо Цяньсюэ было в полном порядке. Она не упоминала о том, что осталась с Су Ци наедине, и Нин Шаоцин тоже не спрашивал.

Пара молчала рядом друг с другом. Мо Цяньсюэ чувствовала себя немного скучно, поэтому она попросила Нин Шаоцина рассказать анекдоты, которые случились, когда он был маленьким мальчиком, поэтому Нин Шаоцин начал рассказывать ей вещи о семье Нин.

В первый раз он упомянул семью Нин, когда только что проснулся из комы. В то время он только лаконично подписался на это как на обычную большую семью.

Второй раз был в день рождения Нинга Шаоцина. В тот день она была раздражена его неоднократными провокациями, и Нин Шаоцин объяснил ей, но тема была ограничена в рамках его законной матери и никому не нужного младшего брата.

На этот раз Нин Шаоцин раскрыл много подробностей.

Он говорил о своем отце, о власти семьи Нин, о сложных тонкостях межличностных отношений в семье, об ответственности и чести благородной семьи....

В наше время уже не было такой вещи, как честь семьи и такого рода, поэтому эта тема была довольно свежей для Мо Цяньсюэ, который воспринял ее как интересную историю.

Воскреснув в Тяньци, Мо Цяньсюэ был ничтожен, как утиный водоросль. Для нее честь или репутация семьи звучала очень отдаленно, не говоря уже о семейной ответственности, которая не имела к ней никакого отношения.

Услышав, как Нин Шаоцин рассказывает ей об этих тайных заговорах и заговоров, Мо Цяньсюэ почувствовала себя счастливой, что у нее нет семьи в этом мире, и ей не нужно было жертвовать или сражаться за свою семью.

Чтобы обрести защиту семьи, честь и власть, необходимо одновременно выполнять обязанности и обязательства перед семьей.

Мо Цяньсюэ только слышала и не задавала вопросов, потому что понимала, что чем больше знает человек, тем быстрее он направляется на смерть. В каждой семье были секреты, которые не могли быть известны другим.

Нин Шаоцин была откровенна рассказать ей все из-за доверия, но она не хотела знать слишком много или класть слишком много на плечи. Поэтому, когда она слушала, она чувствовала себя более обремененной и больше не хотела слышать больше.

Она закрыла глаза на его руки, как в подтексте. Нин Шаоцин понял это и перестал говорить, натягивая ковер, чтобы покрыть ее.

Ау не была хорошим водителем экскарта, но хорошим водителем конного экипажа. Лежа в объятиях Нин Шаоцина, она едва почувствовала ухабищность.

После дня мучений ей было тепло и уютно. Через некоторое время, с зевотой, она чуть не заснула, когда вдруг карета остановилась.

И Мо Цяньсюэ, и Нин Шаоцин были застигнуты врасплох. По инерции они наклонились вперед, и в то же время снаружи раздавались звуки борьбы.

"Берегись". Нин Шаоцин хотел замедлить падение своего тела, но с Мо Цяньсюэ, лежащим на нем и не имеющим опорной точки, они уже бросились к двери кареты.

Нин Шаоцин понял это и быстро развернулся, чтобы заранее добраться до двери, чтобы создать буфер для Мо Цяньсюэ.

"Бум..."

Мо Цяньсюэ упал на Нин Шаоцина, который сильно ударил по двери. Два лица столкнулись, и губы Мо Цяньсюэ перетекли через губы Нинга Шаоцина.

Как будто через них протекал ток, оба они были ошеломлены сразу. Они даже забыли пошевелиться и держали губы прикасающимися друг к другу.

Препарат в Мо Цяньсюэ был в основном разбавлен. Дотронувшись до губ Нин Шаоцина, он, казалось, снова вступил в действие.

С момента встречи у Су Ци до сих пор Нин Шаоцин пил много уксуса, поэтому, услышав ее поспешное дыхание и почувствовав ее жгучее тепло, он, естественно, включился.

Поэтому он открыл рот и обернул ее губы.

Время казалось статичным. Мимолетный момент казался долгой жизни для них.

Тем не менее, это было не время! Лошадь подстриглась, ошарашив Нин Шаоцина и Мо Цяньсюэ и призвав их обратно на землю. Смутившись, они ушли, чтобы не смотреть друг на друга.

Они больше не стеснялись друг перед другом. Им было стыдно за свою страсть целоваться, когда на улице драка уже разожгла бунт.

"Кашель". Мо Цяньсюэ нажал на пол, чтобы встать, но...

"Ой..." Нин Шаоцин болезненно закричал.

То, что нажал Мо Цяньсюэ, было определенной частью Нин Шаоцина: "Простите, простите. Я не это имел в виду." С еще большим смущением Мо Цяньсюэ поспешно отодвинула руку. Кстати говоря, Мо Цяньсюэ никогда не трогала эту штуку. Конечно, она стеснялась.

Однако, отпустив руку, она снова потеряла равновесие и упала к Нин Шаоцину.

Было бы разумным предположить, что она имела это в виду.

Отсек был не очень большим, и двое сгрудились в эротической позе... Мо Цяньсюэ был очень хорошо знаком с Нин Шаоцином и его физическими изменениями. Кроме того, она чувствовала, как тяжело ему было.

Мо Цяньсю хотел поклясться! Когда другие глупые женщины попадали в ловушку и накачивались наркотиками, они либо ели мясо, либо, по крайней мере, пили миску супа. Но когда наступила её очередь, ей досталась ледяная вода! Как она хотела дать пощёчину тому, кто накачал её миллион раз и пытал его хлыстами и свечами!

Если это была она, пусть ее сиськи вечно болят; если это был он, пусть он больше никогда не будет твердым...

Напомнив о прикосновении, Мо Цяньсюэ не мог быть более смущен, как и Нин Шаоцин.

Он упал на землю и был натертым под Мо Цяньсюэ. Конечно, у него была реакция, если только он не умер.

Однако, даже если бы у него и была реакция, он не мог отдать Мо Цяньсюэ, когда она страдала от холода минуту назад.

В маленьком отсеке температура взлетела на фоне смешанной брони и смущения. Мо Цяньсюэ оставалась неподвижной на земле, ожидая, когда огонь погаснет, а Нин Шаоцин успокоится.

"Господи. Убийцы." Вероятно, Ау разобрался в ситуации в карете, поэтому он с пониманием вышел, чтобы не услышать звук изнутри кареты и в то же время защитить их.

Нин Шаоцин прочищал горло, чтобы убедиться, что он звучит нормально: "Да, я знаю. Поймайте их живыми".

Так как Аву и теневой охранник не присоединился к борьбе, это означало, что было не так уж много убийц, и что они не были грозными.

"Да". Аву ответил и не ушел, все еще стоя на своем месте.

Его обязанностью было не победить убийц, а защитить Нин Шаоцина. Было только три убийцы, и слабые, так что Асан было достаточно, чтобы победить их. Аву не мог уйти в случае, если может быть ловушка, как заманить тигра из своего логова.

Убийцы!

Их послали мать и сын, о которых упоминал Нин Шаоцин?

Мо Цяньсюэ вспомнил сложные отношения в семье Нин и задался вопросом, получили ли эти люди какие-нибудь новости от Тингфэнкуана.

"Кашель... Цяньсюэ, ты можешь встать". Со временем дыхание Нин Шаоцина возобновилось, и ей пришлось напоминать о том, что она все еще сидела без движения.

Несмотря на то, что драка не была срочной, он не должен недооценивать ситуацию.

Он знал, что Мо Цяньсюэ почувствовала его физические изменения, иначе ей не пришлось бы внезапно сидеть неподвижно. Думая об этом, ему было жаль.

"Цяньсюэ, я..." Нин Шаоцин хотел объяснить, но слова просто не выходили из его уст.

Пока он вспоминал, что с ней случилось этим утром, он глубоко винил себя. Ау был у кареты, поэтому Мо Цяньсюэ быстро прервал его, чтобы не дать ему сказать больше неловких вещей: "Все в порядке". Я понимаю. Тебе не нужно объяснять".

Покончив с этим, Мо Цяньсюэ вспотел.

Что она сказала? Без контекста, люди будут считать ее какой-то дикой сумасшедшей женщиной.

Кашель... Мо Цяньсюэ отвернулась, чтобы не смотреть на Нин Шаоцина, и тайно презирала себя.

Мо Цяньсюэ, теперь ты был еще большим дураком. Разве это не было маленьким делом? Зачем беспокоиться об этом снова и снова?

Маленькое движение Мо Цяньсюэ и маленькая вина достигли глаз Нин Шаоцина. Он ласкал её лицо и надеялся, что сможет защитить её.

Воздух в карете был сладкий, но из неё пошла кровь.

"Господи, с тремя убийцами разобрались, но потом пришла группа из двадцати человек в масках. Мы окружены". Голос Аву был низкий, звучал неоптимистично.

"Выходите! Убейте их всех после побега!" Голос Нин Шаоцина был более сильным, чем Мо Цяньсюэ никогда не слышал.

Если бы было несколько убийц, он мог бы оставить их в живых, но если их число увеличится, он должен убить их всех.

Более того, будучи окруженным, ему было неудобно защищать Мо Цяньсюэ.

Если они решили выстрелить стрелы одновременно в карете, последствия были бы невообразимыми.

Аву размахивал кнут и лошадь бросилась вперед, чтобы прорваться сквозь слои убийц и бросился в темную ночь ...

"Поймай их. Убийство людей в карете - большая награда!"

Хриплый голос просочился сквозь карету в уши Нин Шаоцина и Мо Цяньсюэ!

Люди в карете?! Целью этих людей был Нин Шаоцин!

"Цяньсюэ". Прости, что втянул тебя в это." Нин Шаоцин был очень виноват. Он хотел подарить ей счастье, но теперь он столкнул Мо Цяньсюэ в опасность.

"Мы пара, чтобы делиться всем". Не вини себя!"

Луна повесила трубку. Листья падают, снежинки кружатся в шторм...

Лошадиная повозка дико бегала, а за ней постоянно слышался звук сталкивающихся мечей и копьев посреди невероятно громкого бродяжничества копыт. Нин Шаоцин поднял занавес: "Ау, защищай даму".

Ему нужно было покончить с этим как можно скорее!

Когда экипаж шел дальше, Асан вернулся в экипаж и сел спереди вместе с Ау.

"Господи, трудно избавиться от наемных убийц". Кажется, они появляются разными партиями. Господи, я думаю, тебе лучше сначала взять даму уехать отсюда. Это слишком опасно." Асан звучал более нервно, чем Аву. Ситуация была сложной.

Нин Шаоцин посмотрел вверх и заметил впереди еще одно тело. С насмешкой он повернулся в уравновешенное положение.

Он был уверен в силе Асана и Аву, которые были лучшими двумя из его восьми интимных охранников. Если Асан так сказал, это означало, что враг вложил много сил в убийство. Нин Шаоцин вовсе не колебался и все же приказал: "Попробуйте прорваться! Ау, твой главный приоритет - защитить даму".

Чем более опасной была ситуация, тем более необходимым было для него, чтобы бороться лично, чтобы положить конец опасности. В противном случае, было бы бесполезно прибыть в

деревню Ван. Если бы этих людей действительно послали бессердечные мать и сын, то, наверное, они бы зарезали всю деревню, а это были бы сотни жизней!

"Да". Хотя Ау не хотел, он знал, что не должен ослушаться приказа господина в решающий момент, поэтому он поднял кнут снова, чтобы побудить лошадь бежать быстрее.

Карета бросилась в бешенство, чтобы разбросать людей в масках, но они не сдались и внимательно следили за ними.

В пустыне, это было напрасно, чтобы бежать, однако, дальше. До тех пор, пока они прорвали кузов и оставили их позади кареты, все было бы легко.

"Цяньсюэ". Сиди спокойно!" Нин Шаоцин беспокоился, что она может упасть, как раньше, и, проанализировав ситуацию снаружи, успокоил ее голосом: "Не волнуйся". Сиди здесь и не спускайся. Не смотри. Все будет хорошо."

Скорость экипажа была высокой, но не такой высокой, как у страшного Мо Цяньсюэ. Может ли конный экипаж бежать быстрее машины?

В наше время она ездила на Audi со скоростью 150 м/ч по шоссе. Она была намного быстрее этой. Конечно, она была менее ухабистой в ягодицы.

Что касается "сиди здесь и не спускайся", то она знала это без его ведома, потому что она не была артисткой боевых искусств, и было так темно. Куда она могла пойти? Выйти на улицу только увеличило бы их бремя. Она не была настолько глупа.

"Быстрее. Люди в карете хотят сбежать. Остановите их. Не надо оставлять их в живых..." Видя, как карета бежит быстрее, голова людей в масках кричала во время погони.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/898715>